

УДК 81'37

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРЕДЕЛАХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ДОБРО» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Лилия Килина, Елена Колосова

AXIOLOGICAL TRANSFORMATIONS IN THE SEMANTICS OF THE DOMAIN “ДОБРО” (THE GOOD) IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Liliia Kilina, Elena Kolosova

The article researches axiological transformations of lexeme meanings. It focuses on the analysis of rich lexicographical data on the formation of the term “добро” (the good) from the Old Russian period to the modern times. The diachronic method of research allows us to trace the transformations inside the semantic field of the term “добро”. In the modern language, the core of the domain “добро” is represented by the words with the stem *добр-*, first of all, these are the noun *добро* and the adjective *добрый*. The stem *добр-* ascends to the more ancient stem *доб-*, a part of the word *удобный, понадобится, подобный, сдоба*, etc. During the Old Russian period, the word *добро*, in the meaning of 'usefulness', was reconceptualized into 'beauty'. It was not accidental. The concept of the beauty corresponds to the system of concepts, which ancient people had about 'the good' *добро, благо* and 'the evil' *зло*. However, in the conceptual picture of the world of a modern person, we see the loss of original semantic connections between the derivatives with the stem *доб-* (*добр-*) and the words with the stem *крас-* (*красн*). Modern Russian native speakers do not associate 'the good' with 'the beauty'. In the 18th century, the term *добро* expanded its meanings and acquired the meanings close to modern concepts. In contrast to the Old Russian and the Russian of the 18th century, the language of the 20th century has developed the notion of *добро* used mainly in the colloquial speech. It means something not useful and not needed, it is usually ironic: for example *'такого добра нам и даром не надо'* ('that is the good which is not good for us'). As a result, we conclude that the notion of any concept is represented in the meanings of lexemes (language units), which in turn form different semantic relations and their meanings are realized in specific contexts.

Keywords: semantics, cultural linguistics, semantics transformation, Russian language, diachronic method, etymology, history of the Russian language.

Статья посвящена исследованию ценностно-смысловой трансформации значения языковых единиц. Особое внимание уделяется анализу обильного лексикографического материала, который охватывает период формирования универсального философского понятия «добро», начиная с древнерусского периода и до современного состояния русского языка. Диахронический метод исследования позволил авторам статьи проследить трансформацию в пределах семантического поля «добро» в истории языка. Так, ядро семантического поля «добро» в современном русском языке составляют слова с корнем *добр-*, прежде всего существительное *добро* и прилагательное *добрый*. Корень *добр-* восходит к более древнему корню *доб-*, представленному в словах *удобный, понадобится, подобный, сдоба* и др. Кроме этого, зафиксировано, что в древнерусский период *добро* «польза» переосмысливается в *добро* «красота». И это не случайно: представление о красоте органично вписывается в систему представлений древнерусского человека о добре (благе) и зле. Но рассмотрение концептуальной картины мира современного человека говорит об утрате изначальной семантической связи между словами с корнем *доб-* (*добр-*) и словами с корнем *крас-* (*красн*), современный русский человек не ассоциирует добро с внешней привлекательностью. В XVIII веке понятие *добро* расширяется и уже имеет значения, сохранившиеся до настоящего времени. В отличие от древнерусского языка, русского языка XVIII века, в XX веке усиленно развивается понятие *добра* как «о чем-то негодном, ненужном», которое употребляется преимущественно в разговорной речи, обычно иронически, ср. *такого добра нам и даром не надо*. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что представление о любом понятии репрезентируется в значениях языковых единиц, вступающих в различные семантические отношения, а значения реализуются в определенных контекстах.

Ключевые слова: семантика, лингвокультурология, трансформация семантического поля, русский язык, диахронический метод, этимология, история русского языка.

Центральное положение семантики в кругу лингвистических дисциплин обусловлено тем, что человеческий язык в своей основной функции является средством общения, средством кодирования и декодирования определенной информации. Кроме того, язык антропоцентричен: вся языковая категоризация объектов и явлений ориентирована на человека. Лексическое значение слова, «пропущенное» через человека, через его субъективное восприятие, раскрывает наивную картину мира, специфичную для данного языка. «Русская лингвокультура, как и любая другая языковая культура этноса, является выразителем народного сознания и отражает наиболее значимые понятия. Очевидным на современном этапе признается наличие определенных констант, на которые нацелен носитель той или иной речевой культуры» [Safin, Kolosova, Vychkova, с. 562].

Веками складывающаяся наивная картина мира, в отличие от чисто логической, научной, отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка, поэтому она обладает национальной спецификой и является отражением ментальной сущности данной лингвокультурной общности. Выявить структуру языковой картины мира и ее национальную специфику позволяет анализ метаязыка культуры и, прежде всего, ключевых слов, таких как *истина, честь, долг, добро, зло, закон, порядок, время*, являющихся, как правило, ядром соответствующего семантического поля.

Данное исследование посвящено динамике изменений в значениях языковых единиц, входящих в лексико-семантическое поле «добро». Понятие «добро» принадлежит к универсальным философским понятиям, поэтому его осмыслению посвящено большое количество философских работ (см. сочинения Аристотеля, исследования Т. Гоббса, Б. Спинозы, И. Канта, работы русских философов Н. А. Бердяева, В. Соловьева). Русскому человеку всегда была «свойственна абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла – добро выступает одним из главных мировоззренческих понятий, ядром национального и индивидуального сознания» [Вежбицкая, с. 34]. Неслучайно уже в течение многих десятилетий вопросы, связанные с представлением о добре в русском языковом сознании, вызывают большой интерес у ученых-лингвистов. Изучением истории изменения представления о добре в языковом сознании русских людей занимались Т. И. Вендина, В. В. Колесов, А. Д. Шмелев и др.

Ядро семантического поля «добро» в современном русском языке составляют слова с кор-

нем *добр-*, прежде всего существительное *добро* и прилагательное *добрый*. Корень *добр-*, в свою очередь, восходит к более древнему корню *доб-*, представленному в словах *доблесть, дебелый, удобный, удобство, надобно, понадобится, пододать, подобный, уподобить, уподоблять, бесподобный, сдоба, сдобный* и др. Этимологический анализ дает в своей работе В. В. Колесов: «...корень *доб-* сохранился во многих славянских словах, поэтому не составляет труда определить его истинное значение: *на-доб-но, по-доб-ен*, в другой форме *деб-елый* ‘крепкий, плотный, здоровый’, *«доба – ‘пора, время, нужное для вызревания, доблестный – ‘зрелый, готовый к подвигу’»* [Колесов, с. 126]. Существительное *доба* в русском литературном языке не сохранилось, но встречается в русских говорах и других славянских языках со значением ‘пора, время’, например, укр. *доба* ж.р. ‘сутки, пора, время’, бел. *доба* ж.р. ‘пора, сутки’ и др.

Этимологи указывают на то, что «о.-с. **dobr* : **dobrǫjъ* первоначально значило что-нибудь вроде ‘годный’, ‘подходящий’, отсюда ‘доброкачественный’, ‘добротный’ [Черных, с. 288], прилагательное *добрый* ‘родственно лат. *faber* ‘ремесленник, художник’; арм. *darbin* ‘кузнец’», «наряду с **dhabh* существует **dhab-* д.-в.-н. *tapfar*, нов.-в.-н. *tapfer* ‘храбрый, сильный, крепкий, плотный’» [Фасмер, с. 520–521]. Итак, «в древности корень этот обозначал подходящего, нужного по характеру, виду, свойству» [Колесов, с. 126].

Приведенные выше слова с корнем *доб-* в современном языковом сознании практически не связаны с понятием «добро», так как в процессе исторического развития представление о добре только как о чем-то полезном, пригодном, удобном, подходящем изменилось, однако изменение это происходило постепенно.

В древнерусский период *добро* ‘польза’ переосмысливается в *добро* ‘красота’: «Вступив в отношение к „благу“ которое стало как бы мериллом всякого, в том числе и земного „добра“, под влиянием многозначности соответствующих греческих слов, слово *добро* сужает свой смысл до выражения внешнего блага, становится просто „красивым, ладным, добротным“» [Колесов, с. 132]. Неслучайно в древнерусских текстах находим примеры, в которых при положительной характеристике внешности человека употребляется прилагательное *добрый* наряду с прилагательным *красный*: и видѣвъ ю добрѹ сущю зѣло лицемъ и смѣслену – бѣ же Ростиславъ мужь

добль ратень взрастомъ льпь и красень лицемъ [Повесть временных лет]¹.

Таким образом, представление о красоте органично вписывается в систему представлений древнерусского человека о добре (благе) и зле, поэтому в словаре Срезневского *доброта* – ‘доброта, красота’, *добрити* – ‘делать красивым’ [Срезневский, с. 680]. Сегодня доброта – это ‘добротность’, а также ‘отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим’ [Словарь русского языка, с. 410]. Следовательно, мы можем говорить об утрате изначальной семантической связи между словами с корнем *доб-* (*добр-*) и словами с корнем *крас-* (*красн-*), современный русский человек не ассоциирует добро с внешней привлекательностью. Однако не стоит забывать о том, что красота бывает не только внешняя, но и внутренняя. Представление о духовной красоте, то есть о красоте души (связанной со сферой Бога), в древнерусском тексте могло репрезентироваться словами с указанными корнями. В современном русском языке *добрый человек* – «расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты, сочувствия к ним, готовности помочь» [Там же], то есть обладающий духовной красотой.

В древнерусских текстах прилагательное *добрый* употреблялось также со значением «праведный, истинный, правильный», особенно если речь шла о Боге или о том, что связано с ним, например: *посемъ же оувѣдѣша добрии члвци и приходяху к нему* [Повесть временных лет]. Представление о добре как об истине связано с представлением о добре как о благе, «добро в языковом сознании средневекового человека – это прежде всего благо», объясняется это тем, что «добро соотносилось с этическим понятием и в первую очередь с религиозным, т. к. с добром связывалась набожность и благочестие человека» [Вендина, с. 184]. Следовательно, *благо* в древнерусском языке входило в ядро рассматриваемого семантического поля, древнерусский человек не мыслил одно без другого.

В словаре П. Я. Черных *благо* трактуется как «добро, польза», здесь же сказано, что слово известно с XI века (автор ссылается на «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского). Из словарной статьи мы узнаем, что слово *благо* употреблялось с общеславянской эпохи: общеславянская форма **bolgo*, *bolgъ* восходит к индоевропейскому корню **bheleg-*, **bhelg-* – ‘блестеть, сиять, сверкать’ [Черных, с.

92]. В древнерусском языке *благо* прежде всего *добро*, причем полученное главным образом от Бога, об этом свидетельствуют приведенные в словарях контексты, например: благо же приимше великоЕ отъ чловѣколюбивааго бога [Повесть временных лет]. *Благо* (*добро*) оказывается неотделимым от Бога, прямо соотносится с ним, обозначает его свойство. Можно сказать, что в целом *благо* обозначает множественность положительного мира, в том числе целый спектр характеристик человека: добрый, хороший, счастливый, полезный, доблестный.

В. В. Колесов рассматривает соотношение слов *добро* и *благо* в XI–XIII вв. и подчеркивает, что они распределяются в противоположности «земное – небесное». *Благо* закрепляется за духовным, небесным, божественным, *добро* – за земным, вещественным, человеческим проявлением жизни: «У Иллариона Бог – *благый*, “Все бо *благое от тебе*“ – и *благие дела, и благодарение, и благодать*; на земле же иначе – *добръ пастух, добрый*, преисполненный *добрых дѣлъ*» [Колесов, с. 108].

Но *благо* и *добро* не всегда были семантически близки. В XI веке отмечается различие в содержании этих понятий. «Благо как высшая степень безразлична по отношению к добру и злу, но добро конкретней и многообразней; более того, по вещности своей оно и красиво, хотя его красота всего лишь отражение красоты небесной. В основе этих противоположностей закладываются дополнительные этические признаки: благо истинно, но добро прекрасно», – отмечает В. В. Колесов [Там же]. До XVI века явной противоположности *блага* и *добра* нет, но они понимаются как разные степени одного и того же – добра, как нечто среднее между данным судьбой благом и присущей человеку с рождения участью.

Таким образом, все отвлеченно-возвышенное по сути своего проявления определялось как *благо*, все благое в земном, внешнем своем проявлении становилось *добром*. Отсюда появились словосочетания *небесное благо, земное добро*.

В современном русском языке употребляется прилагательное с корнем *благ-*. Интересно, что в семантической структуре слова *благой* выделяются компоненты, актуализирующие противоположные значения: «добрый, хороший, приятный» – «злой, плохой». В. И. Даль также указывает на то, что *благий* (*благой*) обозначает два противоположных качества: добрый, хороший, полезный, добродетельный (с пометой *церк. стар., а частью и ныне*), злой, упрямый, своенравный, дурной, неудобный (с пометой *в просторечии*). Можно обратиться к примерам в первом значе-

¹ Здесь и далее древнерусские примеры даются в упрощенном графическом виде, буквой Ъ обозначен «ять».

нии: «*Благая жизнь на земле сулит благое спасение*»; «*Избери **благую** часть, иди **благим** путем*»; во втором значении: «*Это такой **благой** человек, что к нему приступу нет*». А в следующем примере *благой* и *добрый* вступают в антонимические отношения: «*Лучше с **добрым** потеть, чем с **благим** найти*» [Даль, с.222].

В чем же причина возникновения противоположных значений? М. Фасмер, ссылаясь на Д. Зеленина и В. Хаверса, в словарной статье слова *благой* отмечает, что отрицательные значения возникли в результате описательного табуистического употребления [Фасмер, с. 171]. А. Г. Преображенский говорит о развитии энантиосемии, сравнивая значения слова *благой* («*добрый*» и «*странный, своенравный, глупый*»), а также указывая, что значение слова *благой* «*плохой, глупый*» появилось в результате переосмысления значений слова *благой* «*своятоя, юродивый*» [Преображенский, с. 27–28]. Ученый предполагает, что семантическое изменение «*своятоя, юродивый*» → «*глупый*» → «*бешеный*» → «*злой*» и т. п. возникло как характеристика свойств человека, прежде всего его умственных способностей.

В то же время в словаре О. Н. Трубачева указано, что значения слова *благой* «*плохой, безумный, неразумный*» (*рус.диал.*) и «*добрый, милостивый*» необходимо разграничивать [Этимологический словарь славянских языков, с. 174]. Подобная точка зрения представлена в историко-этимологическом словаре П. Я. Черных, где *благой* «*хороший*» (*устар.*) и «*плохой, дурной*» (*устар. и обл.*) [Черных, с. 92].

Нетрудно заметить, что слово *благой* стилистически маркировано, а значит, малоупотребительно в современном русском литературном языке. По сравнению с древнерусским языком отсутствует связь благого с праведным, святым, милосердным, положительная коннотация отмечается для книжного и устаревшего употребления, а отрицательная – для устаревшего и областного: «...*благой* как бы перевернулось своим отношением к человеку, при этом получив нежелательную окраску» [Колесов, с. 116].

Следовательно, отрицательный семантический компонент актуализируется в диалектах и просторечии, то есть в народно-разговорной речи, тогда как положительный, связанный с Богом и являющийся одной из его характеристик, обнаруживаем в примерах, представленных в памятниках древнерусской книжности.

Проанализировав исторические словари, мы попытались определить объем понятия «*благо*» в древнерусском языке:

1) некий идеал, ценностный ориентир христианского учения;

2) свойство Бога, к которому стремится человек;

3) материальные ценности, связанные с благополучием.

Таким образом, семантическая структура слова *благо* содержит три основных компонента: первый и второй актуализируют представление о благе как о высшем идеале христианства, третий отражает представление об антиидеале, о том, от чего необходимо отказаться человеку для достижения высшего идеала. Он свидетельствует о сближении блага и добра, то есть *благо* словно опускается до насущных проблем человека, становится ближе к нему, расширяет сферу своего употребления в разных областях жизни человека.

Проанализировав современные толковые словари, мы обнаружили следующие компоненты в семантической структуре слова *благо*:

1) нечто приносящее удовольствие, радость;

2) добро, счастье, благополучие;

3) польза;

4) то, за счет чего достигается состояние удовольствия, морального удовлетворения.

Все значения репрезентируют некие ценности человека или общества, но утилитарность этих ценностей очевидна: они создают материальный комфорт, доставляют удовольствие. В современном русском языке *благо* является синонимом слова *польза*, причем сема «*польза*» становится определяющей в семантической структуре слова *благо*.

Итак, мы проследили изменение семантики слова *благо* и отметили следующее. Очевидно, что русские люди предпочли слово *добро* слову *благо*. Это связано с тем, что лексическое значение первого слова шире, чем второго: оно затрагивает как материальную сферу жизни человека, так и духовную. Добро ближе к человеку, чем благо, и эта разница, появившаяся еще в древнерусском языке, сохранилась до наших дней. Наиболее распространенное на современном этапе представление о благе – это представление о том, «что служит удовлетворению потребностей человека, дает материальный достаток, доставляет удовольствие, моральное удовлетворение».

Как антоним к *добру* выступает *зло* – «*худое, лихое, худо, лихо*». Следует отметить, что в народном представлении духовное начало двояко: умственное и нравственное. Первое относится к истине и противоположно лжи, а второе – к добру (*благу*) и противоположно худу, злу, например: *Всякое зло противно божескому порядку*. Примечательно, что в сознании русского народа

понятия *добра* и *зла* переплетаются, что отражается в пословицах: *без худа добра не бывает, за добро не жди добра, от добра до худа один шаг* и др. Основная же специфика пословиц в языке сводится, по справедливому замечанию Бочиной Т. Г., к стремлению «... передать накопленный народный опыт и зафиксировать в предельно сжатой, легко запоминающейся форме обобщенные наблюдения над сущностью явлений окружающего мира», что, несомненно, связано «с аксиологической картиной мира, системой ценностей и антиценностей народа» [Бочина, Сян Цюнь, с. 44].

В XVIII веке понятие *добро* расширяется и уже имеет значения, сохранившиеся до настоящего времени. Это связано с общей ситуацией в русском языке, так как происходит становление русского литературного языка как системы. Истоки относятся к концу петровского времени и связаны с именем М. В. Ломоносова, а завершение процесса связано с именем А. С. Пушкина. Именно с А. С. Пушкина начинается собственно национальный период в развитии русского литературного языка, создаются единые нормы нашего русского языка.

В связи с этим в «Словаре языка Пушкина» мы находим: **Добро**: 1. положительное нравственное начало, противопоставляемое злу, пороку; *Добро и зло, все стало тенью*; 2. доброе дело, поступки, благодеяния: *«Царь Никита жил когда-то // Праздно, весело, богато, // Не творил добра, ни зла // И земля его цвела»*; 3. то, что хорошо, полезно: *«И признаюсь – от вашей лиры предвижу много я добра»*; 4. имущество: *«... Ухо всяк держал остро // И хранил свое добро»*; 5. старинное название буквы «д» [Словарь языка Пушкина, с. 670–671].

В «Словаре русского языка XVIII в.» наблюдается подобная картина: **Добро**. 1. все, что полезно, хорошо, нравственно, приносит благополучие, счастье; противоположно злу, худо; 2. имущество, имение; богатство; 3. *нареч.* хорошо, благополучно, удачно; *частица* ладно, хорошо, пусть будет так; 4. название буквы «д» в славянской и русской азбуке [Словарь русского языка XVIII в., вып. 6, с. 152].

В это время в языке писателей в большинстве контекстов *добро* и *благо* синонимизируются. «Словарь русского языка XVIII в.» определяет *благо* как: 1. все, что полезно, хорошо, приносит людям благополучие, счастье; противоположно злу; 2. вещественные ценности, имущество [Там же, вып. 2, с. 31] Видно, ДОБРО 1 и ДОБРО 3 (выделенные нами в предыдущей главе) почти полностью совпадают в своих значениях с БЛАГО 1 и БЛАГО 2, соответственно: *«Не забы-*

вай ты благ его; Ты их имьл число велико» (Сумароков, Оды.) [Там же]. В данном примере БЛАГО 1 и ДОБРО 1, 2 полностью могут заменить друг друга, имея значение «доброе, полезное дело, действие».

В следующем примере ДОБРО 1, 2 и БЛАГО 1 вступают в синонимические отношения, при этом у них выделяется другое значение «все, что полезно, хорошо, нравственно, приносит благополучие, счастье»: *«Ну, сын,.. уж бы пора Для твоего добра Тебь жениться»* (И. И. Хемницер, Басни) [Там же, вып. 6, с. 152]. Как *добро* есть общее, общественное, народное, публичное, так и *благо* может быть общим, общественным, народным, публичным: *«Отца отечества Великого Петра Положены труды для общаго добра»* (М. В. Ломоносов); *«Воля общая всегда к добру взаимному»* <фр. оригинал *le bien commun*> (Переводы из Энциклопедии. М., 1767); *«Благо общее есть благо каждого и благо каждого составляет благо общее»* (Слово о влиянии наук...говоренное Петром Страховым, 1788); *«О вы, проложившие путь умствованиям о благь народном, о благь общественном, о благь Государственном, Платон, Монтескиё»* (Радищев) [Там же, вып. 2, с. 31].

Широко употреблявшееся ранее (XI–XVII вв.) ДОБРО 3 так же, по свидетельству Словаря XVII века, вступает в синонимические отношения с лексемой БЛАГО 2: *«Безумствует Султан, а Турки кровь лютят. Он ищет торжества, мы жизнь и благо тратим»* (Сочинения В.Петрова, 1782 г. Ч.1. Оды); *«<Природа> мужа сотворила приобретателем и искателем внь дому благ, жену хранительницею оных сдблала внутреннюю дома»* (Слово о причинах..., говоренное Семеном Десницким, 1770); *«Мечешь горстью твоих мозольми и потом предков скоплено добро»* (Кантемир, Сатиры); *«Оттуда, думаю, можем проьхать с Божиею помощью домой, жить да добра наживать»* (Д. И. Фонвизин, Письма) [Там же, вып. 6, с. 152].

Примечательно, что «Словарь русского языка XVIII в.» уже фиксирует добро с пометой *уничжительное* или *ироническое* «о чем-либо, имеющемся в большом количестве»: *«Сего добра (водки) в Эстляндии много и вездь купить достать можно»* (Записки А. Т. Болотова, 1735–1795); *«Как много насказали вы мнь наук, что не знаешь, куда с этим добром деваться»* (Сочинения Я. Козельского) [Там же].

В современном русском языке ему соответствует ДОБРО 4 (разг.) – «о чем-то негодном, ненужном, обычно иронически», при этом современное ДОБРО 4 потеряло сему «большое коли-

чество», ср. *такого добра нам и даром не надо*. [Ожегов, с. 165]

Итак, по материалам контекстов можно сделать вывод, что в период XVIII – XIX вв. в классической русской литературе отражается некоторое сближение семантических полей слов *добро* и *благо*. *Благо* словно опускается до насущных проблем человека, или же человеческая жизнь поднимается до уровня *блага*, тем самым оно становится ближе к человеку, что приводит к стремительному росту количества его словоупотреблений в языке писателей. *Добро* же, расширяя сферу своего употребления, закрепляется в разных областях жизни человека.

XX век – век глобальных перемен. Октябрьская революция создала новый тип государства. Революционные преобразования не могли не отразиться на развитии русского языка. В 60-е же годы XX века в связи с бурным развитием науки в лексику русского человека все больше проникает научно-техническая речь. На творческую арену у большинства писателей выходит другой герой, герой-ученый. Он приходит с новыми понятиями, с новой лексикой, у людей появляются новые цели в жизни, новые заботы. Время начинает стремительно двигаться. Человек все реже задумывается над проблемами добра и зла в высшем понимании этих слов, все реже говорит об этом. Человека больше волнует счастье, благополучие, польза в его жизни. Поэтому выделенное нами ДОБРО 1 как «положительное, нравственное начало; высшее благо; абсолютный позитив» начинает постепенно отходить на второй план; ДОБРО 2 как «хорошее, доброе дело, поступок, совершаемый кем на чью-либо пользу; доброе отношение к кому-либо» по-прежнему остается основополагающим понятием в языковой картине мира русского человека; ДОБРО 3 – «имущество, имение; богатство; пожитки» с конкретным лексическим значением сохранило свои позиции и даже укрепило их [Словарь современного русского литературного языка, т. 3, с. 839].

В истории русского языка следует также отметить тенденцию к сокращению использования *добр-* при создании новых лексем. Так, в словаре И. И. Срезневского содержится 132 композита с начальным *добро-*, причем многие из этих слов функционировали в текстах религиозной тематики, например: *доброговѣнство* ‘страх, уважение’; *доброгодъ* ‘во время’; *добродѣи* ‘делающий добро, добродетель’; *доброжизние* ‘благополучие’; *доброизвѣтънь* ‘разумно’; *доброутробие* ‘доброта’ и др. Когда религия перестала быть главной составляющей общественного сознания, многие понятия, так или иначе связанные с верой, ушли в пассивный запас или совсем утрати-

лись, поэтому большинство из этих композитов не известны современному русскому человеку (в Словаре русского языка насчитываем всего 37 подобных образований).

Таким образом, динамика ценностно-смысловых трансформаций исследуемого семантического поля связана с изменениями, происходившими и происходящими в жизни русского общества. И если «...категория добра „работала“ практически во всех сферах жизни средневекового человека – от витальной до социальной и религиозной, от этической до эстетической, оказывая влияние на формирование многих абстрактных понятий мира духовных сущностей» [Вендина, с. 181], то сегодня *добро* в значении «высшее благо» постепенно исчезает.

Список литературы

- Бочина Т. Г., Сян Цюнь. Аксиология возраста в русской паремике // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2013. №3 (33). С.44–48.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
- Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
- Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т.1. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. 912 с.
- Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. Кн. 2. Добро и зло. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2001. 304 с.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 939 с.
- Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С.Лихачева, Л.А.Дмитриева, А.А.Алексеева, Н.В.Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 543 с.
- Преображенский А. Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах М.: Издательство иностранных и национальных словарей, 1910–1914. Т. I. 716 с.
- Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русск. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985-1988. Т.1 А-Й, 1985. 696 с.
- Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 2, 1985. 247 с.; Вып.6, 1991. 256 с.
- Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. 1339 с.
- Словарь языка Пушкина. Т. I–IV. М.: Азбуковник, 2000. 975 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. М.: Знак, 2003. Т.1 А-К. 775 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1964. 562 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. М.: Русский язык, 1999. Т.1. 622 с.

Этимологический словарь славянских языков. Праославянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. Вып.2. 238 с.

Safin, I. K., Kolosova E. I., Bychkova T. A. Representation of gender concepts in the Russian and Polish languages// Social Sciences , Volume 10, issue 5, 2015, pp. 562–565.

References

Bochina, T. G., Sian Tsiun'. (2013). *Aksiologiya vozrasta v russkoi paremike* [Axiology of Age in Russian Paremia]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, 2013, No.3 (33), pp.44–48. (In Russian)

Chernykh, P. Ia. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoy russkogo iazyka. V 2-kh t. T.1* [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: In 2 Vols]. 622 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Dal', Vladimir. (1998). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. V 4-kh t. T.1, 912 p. Moscow, Terra - Russkii klub. (In Russian)

Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov. Praslavianskii leksicheskii fond (1974). [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund] / Pod red. O. N. Trubacheva. Vyp.2, 238 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Fasmer, M. (1964). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. T. I, 562 p. Moscow, Progress. (In Russian)

Kolesov, V. V. (2001). *Drevniaia Rus': nasledie v slove: V 5 kn. Kn. 2. Dobro i zlo* [Ancient Rus': Heritage in the Word: In 5 Bks. Bk. 2. Good and Evil.]. 304 p. St. Petersburg, Filologicheskii f-t SPbGU. (In Russian)

Ozhegov, S. I. (1997). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 939 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

Povest' vremennykh let (1997). [The Tale of Bygone Years]. Biblioteka literatury Drevnei Rusi. RAN. IRLI;

Pod red. D. S. Likhacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V.Ponyrko. T. 1: XI–XII veka. 543 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

Preobrazhenskii, A. (1910–1914). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4-kh tomakh* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. T. I, 716 p. Moscow, Izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. (In Russian)

Safin, I. K., Kolosova, E. I., Bychkova, T. A. (2015). *Representation of Gender Concepts in the Russian and Polish Languages*. *Social Sciences* , V.10, Issue 5, pp. 562–565. (In English)

Slovar' russkogo iazyka. V 4-kh t. (1985). [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. RAN, In-t russk.iaz. Pod red. A.P. Evgen'evoi. 3-e izd., ster. T.1, 696 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Slovar' russkogo iazyka XVIII v (1984–1991). [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vyp. 2, 247 p.; Vyp.6, 256 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Slovar' sovremennoy russkogo literaturnogo iazyka. V 17 t. (1954). [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: In 17 Vols]. T. 3, 1339 p. Moscow-Leningrad, izd-vo AN SSSR. (In Russian)

Slovar' iazyka Pushkina. T. I-IV (2000). [Dictionary of Pushkin's Language. V. 1-4]. 975 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

Sreznevskii, I. I. (2003). *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments. In 3 Vols.]. V 3-kh t. T.1, 775 p. Moscow, Znank. (In Russian)

Vendina, T. I. (2002). *Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavianskogo iazyka* [Medieval Man in the Mirror of the Old Slavonic Language]. 336 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

Vezhbitskaia, A. (1997). *Iazyk. Kul'tura. Poznanie*. [Language. Culture. Cognition.]. 411 p. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)

The article was submitted on 02.02.2016

Поступила в редакцию 02.02.2016

Килина Лилия Фаатовна,

кандидат филологических наук,
доцент,
Удмуртский государственный университет,
426034, Россия, Ижевск,
Университетская,1
kilin_74@mail.ru

Kilina Liliia Faatovna,

Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Udmurt State University,
1 Universitetskaya Str.,
Izhevsk, 426034, Russian Federation
kilin_74@mail.ru

Колосова Елена Ивановна,

кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
hkolosova@yandex.ru

Kolosova Elena Ivanovna,

Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hkolosova@yandex.ru